

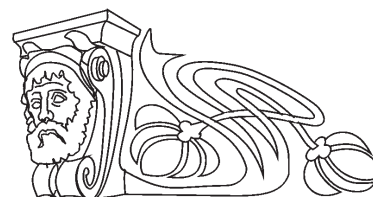

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 257–261
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 257–261
<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-3-257-261>

Научная статья
УДК 37.013.41

Скептицизм: историко-логические формы и перспективы

В. М. Маслов

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Россия, 603022, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 23

Маслов Вадим Михайлович, доктор философских наук, профессор кафедры философии, maslov@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1043-9431>

Аннотация. *Введение.* Перманентная актуальность скептицизма обусловлена его родовой связью с философией. Проблемность определения «скептицизм» в условиях постнеклассической неоднозначности современного общественного развития обуславливает непосредственную актуальность анализа скептицизма. Сложность и новизна поставленной цели определяют выбор историко-логического метода исследования и акцентирование его логической составляющей. *Теоретический анализ.* Последовательный анализ выделяет три основные историко-логические формы философского скептицизма: абсолютный, частичный, методологический. Абсолютный скептицизм – это следствие бескомпромиссного принятия агностицизма (Пиррон). Абсолютный скептицизм, релятивизм и догматизм исчерпывают вопрос о возможности философии. Абсолютный скептицизм, самоуничтожаясь, не может служить основанием для жизни. Принятие агностицизма и нахождение надежного знания в окружающем человеке мире – суть частичного скептицизма (Секст Эмпирик). Необходимое для него надежное знание открыто к догматизму (И. Кант). Качество критических разработок скептицизма, с одной стороны, может усилить позиции релятивизма, способствовать росту сомнения в мире; с другой стороны, ведет к формированию «методологического скептицизма» – подсобного инструментария для критики чужой и утверждения своей точки зрения (научный скептицизм). *Заключение.* В современном мире растет значимость позитивно взвешенного и максимально обоснованного частичного скептицизма, специфика которого созвучна становящейся постнеклассической рациональности.

Ключевые слова: скептицизм, философия, история философии, историко-логический метод, релятивизм, догматизм, агностицизм, историко-логические формы скептицизма, сомнение, постнеклассическая рациональность

Для цитирования: Маслов В. М. Скептицизм: историко-логические формы и перспективы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 257–261. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-3-257-261>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Skepticism: Historical and logical forms and perspectives

V. M. Maslov

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, 23 Gagarin Ave., Nizhny Novgorod 603022, Russia

Vadim M. Maslov, maslov@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1043-9431>

Abstract. *Introduction.* The permanent relevance of skepticism is due to its ancestral connection with philosophy. The problematic nature of the definition of «skepticism» in the conditions of post-non-classical ambiguity of modern social development determines the immediate relevance of the analysis of skepticism. The complexity and novelty of the goal determine the choice of the historical and logical method of research and the emphasis on its logical component. *Theoretical analysis.* A consistent analysis identifies three main historical and logical forms of philosophical skepticism: absolute, partial and methodological. Absolute skepticism is a consequence of uncompromising acceptance of agnosticism (Pyrrhon). Absolute skepticism, relativism and dogmatism exhaust the question of the possibility of philosophy. Absolute skepticism, which is self-destructing, cannot serve as the basis for life. Acceptance of agnosticism and finding reliable knowledge in the world around a person are the essence of «partial skepticism» (Sextus Empiricus). The reliable knowledge necessary for him or her is open to dogmatism (I. Kant). The quality of critical developments of skepticism, on the one hand, can strengthen the position of relativism and contribute to the growth of doubt in the world, on the other hand, leads to the formation of «methodological skepticism» – auxiliary tools for criticizing someone else and asserting one's point of view (scientific skepticism). *Conclusion.* In the modern world, the importance of positively balanced and maximally justified partial skepticism is growing, the specifics of which is consonant with the emerging post-non-classical rationality.

Keywords: skepticism, philosophy, history of philosophy, historical-logical method, relativism, dogmatism, agnosticism, historical-logical forms of skepticism, doubt, post-non-classical rationality

For citation: Maslov V. M. Skepticism: Historical and logical forms and perspectives. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 257–261 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-3-257-261>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Необходимая для философии глубина постижения существующего и предельная перспективность видения не только захватывает дух, но и вызывает сильную критику, требует серьезной самопроверки. Отсюда полноценное философское развитие сопровождается определенным сомнением, формируя родовую связь скептицизма с философией как таковой. Общее внимание к проблематике скептицизма закономерно усиливается в кризисные времена, когда скептическая практика может быть ключом к пониманию происходящего. Нарастающая проблемность современной жизни, «общества риска» [1] ведет к тому, что кризисность становится атрибутом общественного развития. Эта историческая ситуация определяет общую актуальность проводимого исследования скептицизма. К этому же ведет наличие разных представлений о скептицизме. Современные авторы, к примеру, могут соотносить скептицизм с нигилизмом и цинизмом [2, с. 88], а могут видеть в нем путь к обновлению научной рациональности [3, с. 49].

Сегодня слово «скептицизм» входит в словарь быденного языка, легко соотносится с общеизвестным словом «сомнение». Соответственно, философское определение скептицизма способно трансформироваться под воздействием множественности быденных употреблений сомнения. Учитывая это, можно предположить, что за основу подхода к строгому современному определению скептицизма не следует брать актуализацию проблематики быденного сомнения [4, с. 376–378; 5], а необходимо выбрать развитие собственной философской проблематики.

Доказательное определение сущности скептицизма возможно только в ходе соответствующего исторического подхода, где скептицизм выводится как форма необходимого ответа на становление и поступательное развитие философии. В качестве исходного материала исследования берем историю становления и развития древнегреческой философии, объектом рассмотрения являются исторические достижения всей философии.

Исследование скептицизма задействует историко-логический метод познания, или метод единства исторического и логического (с этим методом тесно связаны и будут также использоваться диалектическая методология восхождения от абстрактного к конкретному; методологическая идея «ключ к анатомии обезьяны лежит в анатомии человека»). На принципиальном уровне необходимость и предполагаемая продуктивность историко-логического метода, разработанного Г. Гегелем и успешно

применяемого в последующей философии, не вызывает сомнения. Однако общая специфика современного этапа общественного развития требует более точного понимания сравнительного соотношения исторического и логического в этом методе. Считаем, что та или иная непроработанность богатства исторической составляющей может затруднить отражение интенсивно изменяющегося настоящего и новых тенденций, ведущих в будущее. Весьма резко данная проблема была обозначена Ж. Делёзом [цит. по: 6, с. 250]. В итоге в современных условиях требуется предельно возможное акцентирование именно логической составляющей историко-логического метода. Подчеркнем, что речь идет не о словах, а о парадигмальном требовании или формировании специфической установки. В рамках последней, к примеру, известная, достаточно подробная классификация античного скептицизма А. Ф. Лосева (выделяются этапы: интуитивно-релятивистический, интуитивно-вероятностный, рефлексивно-вероятностный, рефлексивно-релятивистический, логически-релятивистический, абсолютный скептицизм [4, с. 404]) выглядит как излишне богатая, т.е. требующая дальнейшей логической проработки.

Теоретический анализ

Началом античного скептицизма являются известные строки Ксенофана: «Истины точной никто не узрел и никто не узнает, Из людей о богах и обо всем, что я только толкую: Если кому и удастся вполне сказать то, что сбылось, Сам все равно не знает, во всем лишь догадка бывает» [7, с. 173]. По своей логической форме это утверждение Ксенофана представляет собой вывод: этим ставится вопрос, какая причина обусловила такую проблематичность философии? Эмпирическим основанием скепсиса Ксенофана могла быть разность утверждений всех известных к тому времени философов. Однако прямых обоснований скептицизма в наличных фрагментах творчества Ксенофана нет. В историческом плане исследования данная проблема исчерпывается. С акцентом на логический план мы можем и должны продолжить ее решение.

Поставленный творчеством Ксенофана вопрос суть начало выведения собственной специфики скептицизма или его историко-логических форм. В первом результате скепсис Ксенофаном обосновывается следующим образом. Для скептиков философия – всеобщее и необходимое знание (И. Кант) – невозможна. Базовое доказательство этого тезиса связано с принципиальной невозможностью человека (человечества) выйти за рамки ограниченности

его опыта (агностицизм). Вспомогательные доказательства основаны на наличии многочисленных реальных проблем познания, связанных со спецификой субъекта познания, объекта познания и непосредственного процесса познания [8, с. 214–215]).

Сущностная связь скептицизма с агностицизмом объединяет скептицизм с проблемой возможности философии как таковой. Точнее, скептицизм наряду с релятивизмом и догматизмом (в трактовке Диогена Лаэртского) или гносеологическим оптимизмом исчерпывает все допустимые, рационально обоснованные ответы на вопрос: возможна ли философия как объективное знание в условиях очевидной ограниченности нашего опыта? Для релятивизма невозможность познать весь мир открывает объективную вероятность того, что любое наше представление может иметь отношение к истине. Сторонники догматизма (гносеологического оптимизма) опираются на то, что ограниченность человеческого знания не мешает накапливать и углублять надежные, в частности философские, знания. Отсюда скептицизм – это третья наряду с релятивизмом и догматизмом (гносеологическим оптимизмом) философская позиция, формируемая относительно перспектив человека получить объективную истину или возможности существования философии как всеобщего и необходимого знания; согласно скептицизму такого качества знания получить нельзя.

Анализ так определяемого скептицизма – *абсолютного скептицизма* – показывает его абсолютную нежизненность. Если постулируется абсолютная невозможность получения философской (всеобщей) истины, то это прямо влияет на все другие знания, которые обеспечивают наше существование – жить так невозможно. Обоснованность подобного хода мысли подтверждает аналогичная ситуация с абсолютным релятивизмом – принятие истинными всех утверждений также делает жизнь невозможной. В итоге открываются две возможности: признать невозможность скептицизма или доказательно вывести из-под разрушительной критики абсолютного скептицизма часть истин, дающих основу для полноценной жизни (суть *частичного скептицизма*). Эта тема оформилась и была решена в пользу частичного скептицизма в творчестве первого античного скептика Пиррона. Подтвердим все это через анализ текста Диогена Лаэртского, посвященного Пиррону, в котором сообщается, что Пиррон жил «ни к чему не уклоняясь, ничего не сторонясь, подвергаясь любой опасности, будь то телега, круча или собака, но ни в чем не поддаваясь ощущениям»; «когда однажды Анаксарх

попал в болото ... прошел мимо, не подав руки». Это прямое указание на то, что Пиррон вышел на идею абсолютного скептицизма и пытался соответствующе ей действовать. Далее приводятся указания на то, что для Пиррона «воздержание от суждений было ... правилом только в философии, в частных же случаях он вовсе не был неосмотрителен» [9, с. 379]. Это отражает то, что жизнеспособный скептицизм – суть частичный скептицизм, который фактически, догматично берет что-то за истину.

Факт перехода от абсолютного к частичному скептицизму должен быть философски проработан. Однако нет данных, свидетельствующих о том, что Пиррон этим занимался. Также несомненно, что критики скептицизма легко могли обнаружить неустранимый догматизм и указать на его замалчивание. Скорее всего, так оно и было: это подтверждает известный факт того, что после Пиррона скептицизм долгое время не имел последователей. В этих условиях утверждение философской состоятельности скептицизма требовало, с одной стороны, максимально полной и доскональной критики философии, снятия обвинения в своей философичности, например, с помощью сравнения свой философской деятельности с огнем, который затухает после пожара (это отмечается у всех следующих за Пирроном известных скептиков от Энесидема до Секста Эмпирика); с другой стороны, нахождения максимально надежного знания, выдерживающего собственную скептическую критику (например, это знание практикующих медиков у Секста Эмпирика). Специфика частичного скептицизма и его неустранимой догматичности задает основы понимания дальнейшего исторического развития скептицизма и его возможной современной значимости.

Частичный скептицизм в своих основах обязательно догматичен. С этим связана объективная возможность того, чтобы определенный скептицизм был практически неотличим от догматизма. Классическим примером этого служит философия И. Канта. В полном согласии со скептицизмом И. Кант утверждает непознаваемость вещей-в-себе, недоступность объективной истины. Но это утверждение дается И. Кантом предельно сухо, по сути как что-то не очень значимое. На это обратил внимание Ф. Ницше и абсолютно справедливо указал, что собственный агностицизм должен сопровождаться «духовным потрясением» [10, с. 192].

Необходимый для утверждения истины скептицизма и исторически обогащающийся массив критики философского догматизма приводит к следующим двум объективным след-

ствиям. Критические достижения скептицизма, во-первых, могут укреплять релятивизм, способствовать росту общекультурного сомнения во всем, во-вторых, ведут к созданию новой формы скептицизма – *методологическому скептицизму*, где скептицизм перестает быть фундаментальной философской позицией и становится высококачественным инструментом для критики чужой и утверждения своей точки зрения.

Абсолютный скептицизм противоположен абсолютному релятивизму. Но все гораздо сложнее в ситуации с частичным скептицизмом. Скептическая критика не привела к остановке развития философии. Точнее, критика скептиков и соответствующие ответы на нее в итоге (существуя как актуальное философское знание) еще более усиливают позиции релятивистов в плане того, что любая философия может быть истинной. Интересным подтверждением такого положения дел служит распространенная практика сблизать «скептицизм» и «релятивизм»: по К. Попперу, «под релятивизмом или, если вам нравится, скептицизмом я имею в виду концепцию, согласно которой выбор между конкурирующими теориями произволен» [11, с. 379]. Также очевидно, что все это способствует росту и усилению общекультурного сомнения.

Полноту и бескомпромиссность скептической критики можно поставить под вопрос и критично отнестись к абсолютному принятию агностицизма в скептицизме. В этом случае из всей проблематики скептицизма остается только методология. Историческую необходимость трансформации скептицизма в сторону методологического скептицизма отстаивает известный отечественный специалист по скептицизму В. М. Богуславский [12, с. 3–6]. В принципе на это же ориентируется «научный скептицизм» [13].

Заключение

Предпринятый анализ и выделение историко-логических форм скептицизма, прежде всего, позволяют более глубоко и точно отражать происходящие в современной культурной сфере процессы. В этом контексте становится очевидным, что положительный общественный потенциал скептицизма может быть усилен через признание того, что у человека и человечества нет абсолютной и(или) привилегированной точки отсчета. Так, продуманный скептицизм будет во многом созвучен становящейся постнеклассической научной рациональности, признающей неустранимость ценностной основы любой позиции [14, с. 634]. В целом обогащается

способность современной научно-философской рациональности разрешать существующие острые проблемы и прояснять основные тенденции развития человечества.

Список литературы

1. Ломако О. М. Мировое общество риска в политической философии Ульриха Бека : логика и ирония // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18, вып. 3. С. 265–269. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2018-18-3-265-269>
2. Пивоваров Д. В. Скептицизм, нигилизм и цинизм // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2010. № 1 (10). С. 88–95.
3. Ярцев Р. А. О ранжировании научного знания на основе рационального скептицизма // Философия науки. 2013. № 2. С. 48–60.
4. Лосев А. Ф. История античной эстетики. Ранний эллинизм. М. : АСТ, 2000. 960 с.
5. Comesaña J., Klein P. Skepticism // Stanford Encyclopedia of Philosophy. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/skepticism/> (дата обращения: 18.04.2022).
6. Санженанов А. А. Делёз : история философии как творчество // Сибирский философский журнал. 2018. № 3. С. 250–257. <https://doi.org/25205/2541-7517-2018-16-3-250-257>
7. Фрагменты ранних греческих философов. Часть 1. От этических теокосмогоний до возникновения атомистики / сост. А. В. Лебедев. М. : Наука, 1989. 576 с.
8. Секст Эмпирик. Сочинения : в 2 т. М. : Мысль, 1976. Т. 2. 421 с.
9. Лаэртский Диоген. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / под общ. ред. А. Ф. Лосева. М. : Мысль, 1979. 620 с.
10. Ницше Ф. Полное собрание сочинений : в 13 т. Т. 1, ч. 2 : Несвоевременные размышления. Из наследия 1872–1873 гг. М. : Культурная революция, 2013. 476 с.
11. Поппер К. Логика и рост научного знания / под общ. ред. В. Н. Садовского. М. : Прогресс, 1983. 605 с.
12. Богуславский В. М. Скептицизм в философии. М. : Наука, 1980. 270 с.
13. Куртц П. Новый скептицизм : Исследование и надежное знание. М. : Наука, 2005. 360 с.
14. Степин В. С. Теоретическое знание. М. : Прогресс-Традиция, 2003. 774 с.

References

1. Lomako O. M. The world risk society in Ulrich Beck's political philosophy: Logic and irony. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2018, vol. 18, iss. 3, pp. 265–269 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2018-18-3-265-269>
2. Pivovarov D. V. Skepticism, nihilism and cynicism. *Vestnik Ural'skogo instituta jekonomiki, upravlenija*

- i prava* [Bulletin of the Ural Institute of Economics, Management and Law], 2010, no. 1 (10), pp. 88–95 (in Russian).
3. Jarcev R. A. On the ranking of scientific knowledge based on rational skepticism. *Filosofija nauki* [Philosophy of Science], 2013, no. 2, pp. 48–60 (in Russian).
 4. Losev A. F. *Istorija antichnoj jestetiki. Rannij jellinizm* [The history of ancient aesthetics. Early Hellenism]. Moscow, AST Publ., 2000. 960 p. (in Russian).
 5. Comesaña J., Klein P. Skepticism. *Stanford Encyclopedia of Philosophy*. Available at: <https://plato.stanford.edu/entries/skepticism/> (accessed 18 April 2022).
 6. Sanzhenakov A. A. Deleuze: The history of philosophy as creativity. *Sibirskij filosofskij zhurnal* [Siberian Philosophical Journal], 2018, no. 3, pp. 250–257 (in Russian). <https://doi.org/25205/2541-7517-2018-16-3-250-257>
 7. *Fragmenty rannih grecheskih filosofov. Chast' 1. Ot jepicheskikh teokosmogonij do vzniknovenie atomistiki* [The Fragments from the Early Greek Philosophers. Part 1. From Epic Theocosmogonies to the Birth of Atomistics]. Moscow, Nauka Publ., 1989. 576 p. (in Russian).
 8. Sekst Jempirik. *Sochinenija: v 2 t. T. 2* [Essays: in 2 vols. Vol. 2]. Moscow, Mysl' Publ., 1976. 421 p. (in Russian).
 9. Lajertskij Diogen. A. F. Losev, ed. by. *O zhizni, uchenijah i izrechenijah znamenityh filosofov* [On the Life, Teachings and Sayings of Famous Philosophers]. Moscow, Mysl' Publ., 1979. 620 p. (in Russian).
 10. Nicshe F. *Polnoe sobranie sochinenij: v 13 t. T. 1, ch. 2. Nesvoevremennye razmyshlenija. Iz nasledija 1872–1873 gg.* [Complete Works: in 13 vols. Vol. 1, part 2. Untimely reflections. From the heritage of 1872–1873]. Moscow, Kul'turnaja revoljucija Publ., 2013. 480 p. (in Russian).
 11. Popper K. V. N. Sadovskii, ed. by. *Logika i rost nauchnogo znanija* [Logic and the Growth of Scientific Knowledge]. Moscow, Progress Publ., 1983. 605 p. (in Russian).
 12. Boguslavskij V. M. *Skepticizm v filosofii* [Skepticism in Philosophy]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 270 p. (in Russian).
 13. Kurtc P. *Novyj skepticizm: Issledovanie i nadezhnoe znanie* [New Skepticism: Research and Reliable Knowledge]. Moscow, Nauka Publ., 2005. 360 p. (in Russian).
 14. Stepin V. S. *Teoreticheskoe znanie* [Theoretical Knowledge]. Moscow, Progress-Tradicija Publ., 2003. 774 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 21.04.2022; одобрена после рецензирования 10.05.2022; принята к публикации 22.06.2022
The article was submitted 21.04.2022; approved after reviewing 10.05.2022; accepted for publication 22.06.2022